

Муса Джафар

**ЗА ДВЕРЬЮ,
В НОЧИ**

(сборник рассказов)

qanun neşriyyatı

Муса Джафар. ЗА ДВЕРЬЮ, В НОЧИ

Баку, Издательство ГАНУН, 2023, 152 стр.

Формат: 130x200 mm

Обложка: мягкая

Подписано к печати: 11.11.2023

Компьютерная верстка:	Рахия Шамиль
Оформление обложки:	Рафаэль Гасым
Иллюстрация:	Нигяр Фамильсой

Издательство Ганун

Победитель Стамбул Copyright Awards

Баку, Азербайджан, AZ1102, прос. Тбилиси, 76

Тел.: (+994 12) 431-16-62; 431-38-18

Моб: (+994 55) 212-42-37

e-mail: info@qanun.az

www.qanun.az

[www.fb.com/Qanunpublishing](https://www.facebook.com/Qanunpublishing)

www.instagram.com/Qanunpublishing

ISBN 978-9952-38-836-7

© Муса Джафар, 2023

© Издательство Ганун, 2023

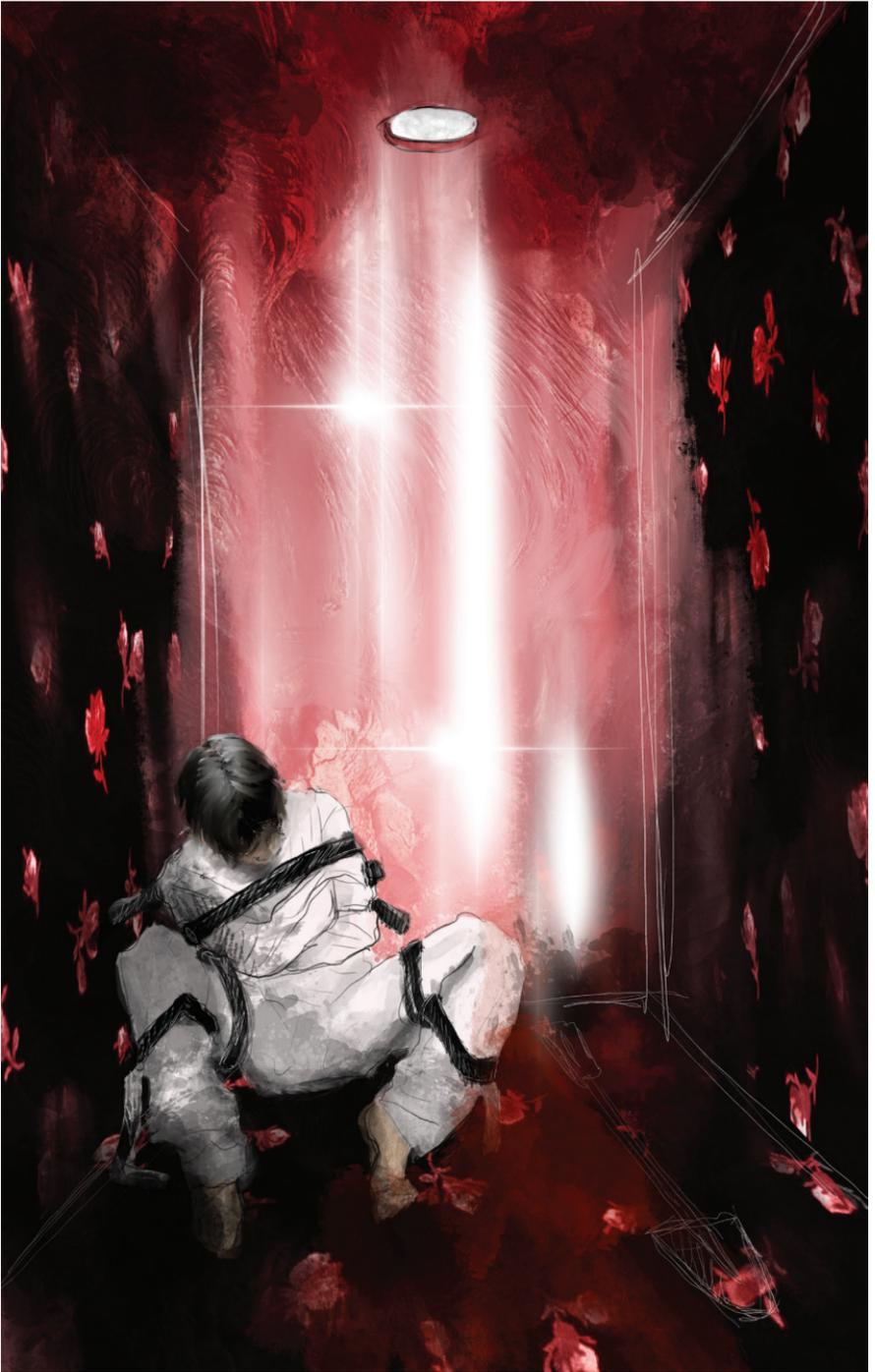
Не обозначенный на карте город, случайный поворот “не туда”, аутодафе в свете полной луны.

Повторяющиеся сны, затертые воспоминания, страхи, нетерпеливо скулящие за непрочной дверью.

Где скрывается истинное зло – за линией заката, в убегающих за нашими спинами дорогах, за высокими стенами, что призваны уберечь наш покой, или оно всегда с нами, внутри нас, словно дьявольская машина с часовым механизмом?

Предлагаем вашему вниманию коллекцию мистических рассказов в одном емком сборнике.

Рассказ “Я перестал дышать вчера” – победитель конкурса Inspiring Fiction журнала Web Tangled Magazine.

ПЛАТЬЕ В ЦВЕТОЧЕК

— Какой же ты у меня глупенький, Марвин. Просто беспомощный ребенок.

Тихий смех рассыпался серебряными колокольчиками в ночной тиши.

– Ты ведь никогда не мог сделать ничего путного без своей милой женушки. Верно? Ну, хоть за ручку приведи и покажи, так нет же – все равно где-нибудь, да и наломаешь дров. Непутевый ты мой. И что это тебе вздумалось бродить по ночам, клады искать.

Еще один перезвон колокольчиков.

– Ну посмотри на себя – руки дрожат, ты весь взмок, да и глаза ничего, поди, не видят. И, явно, не взял с собой смену. Ты же простудишься раньше, чем что-то накопишь. А потом будешь перхатъ неделю, или еще хуже – сляжешь с температурой. И кто за тобой будет смотреть? Ведь ты даже лекарство без меня принять не сможешь. А температуру померить, а компресс на лоб, а травяной чай! Ох ты, господи, почему это ты у меня такой непутевый? Никогда не мог за собой присмотреть.

«Пожалуйста, помолчи. Прошу тебя, замолчи хоть на минуту. Я так больше не могу, я не могу, не могу.»

Он повторял эти слова, как заклинание, последние полчаса, если не больше. Я так больше не могу – удар лопаты. Я так больше не могу – еще один удар. С каждым замахом силы покидали его, если они вообще и были с самого начала. Он ощущал себя безвольным манекеном, тряпичной куклой, в которую всевышний забыл вдохнуть жизнь.

«Что со мной стало. Я же разваливаюсь на куски. Как будто эту яму тогда рыл кто-то другой, а не я. Мне тяжело дышать, сердце сейчас разорвется, а не продвинулся и на полметра. А если это вообще не здесь!»

Он с ужасом представил, что копает не там, где нужно. О том, чтобы начать свои поиски в другом месте, он боялся даже подумать. Десять лет назад, когда он был здесь в последний раз, сил и энергии у него было на порядок больше.

«Я превратился в дряхлого старика. Одышка, спину ломит, колени болят. А ведь мне еще нет и шестидесяти. Черт бы тебя побрал, что ты со мной сделала, что ты со мной сделала, тварь, мерзкая тварь.»

Эти слова заменили старый рефрен и следующие удары лопатой (хотя, это скорее были вялые шлепки по замерзшему грунту) он наносил под заклинание – «Что ты со мной сделала, тварь».

– Прости, дорогая, я не подумал.

– Ну, конечно, не подумал. Когда же ты думал? А?! Для этого голова нужна. Ты же привык, что я за тебя думаю, я

за тебя делаю, а ты и спасибо не всегда удосуживаешься сказать. Вот у других мужья так мужья – и зарабатывают, и шмотки покупают, и дома, и машины. А мой дальше просто-го синего воротничка и не ушел. И о чем я думала, когда за тебя замуж выходила? Другие выбирали себе и покрасивее, и ростом выше, и тех, у кого деньги водились. А я, дуреха! Присмотрела себе заморыша, пожалела. Думала – ничего, сделаю из него человека, станет, не хуже других. Не вышло. Так ведь, как моя мама говорила – в пустой колодець сколько воды не лей, полным не станет. Вот и осталась у пустого колодца. С другими и сравнивать не хочется. Всю свою молодость на тебя угробила, а что получила? Заморышем и остался. Непутевый, никчемный, одним словом.

«Господи, сделай так, чтобы она замолчала. Заткнись, прошу тебя, заткнись, заткнись.»

Лопата в руках весила, казалось, больше пудовой гири. Вдобавок, он уже умудрился натереть кровавую мозоль на ладони, и она ужасно зудела, обещая еще несколько дней мучений после ночной вылазки. Пот стекал со лба грязными ручьями – он вытирал его руками, перепачканными землей и дорожной пылью, и теперь они собирались в крупные капли на его подбородке и носу, смешиваясь с соплями и слезами из воспаленных глаз. Всего меньше чем за час он превратился из обычного городского жителя в потасканного рудокопа, бродягу, обыденного персонажа городских трущоб, в котором невозможно было узнать его, прежнего.

Его судорожные движения, которые он считал копанием, давно подпитывались только отчаянием и желанием заглушить ее сверлящий уши голос.

– Ну просто беда с тобой, просто беда. Сорвался среди ночи, посмотри на него. Ведь не мальчик уже. Лучше бы ты так работал, как сейчас, по ночам бегаешь. Небось, и жили бы лучше, и на люди не стыдно было бы выйти. Надо было мне прислушаться к своей маме, упокой, господи, ее душу. Ты ведь никогда ее не любил, не уважал. Хотя она к тебе, как к родному сыну, относилась. Что, разве не так?

– Так, дорогая. Я ее тоже очень любил.

– Ну, не заливай. Любил он. Если бы любил, она бы с нами и жила. Не помню я, чтобы ты очень уж этого хотел. Ты бы и от меня, небось, не прочь был избавиться, а, Марвин?

– Нет, дорогая. Что ты? У меня никогда и мысли не было!

– Да знаю я. Куда ты без меня. Как потерянный, право слово. И на работу с утра сам не собрался бы. И штанов бы не отыскал.

«Зачем я это делаю? Кому это нужно? Для чего? Лучше все равно не будет. Я уже умер и умирал каждый божий день все десять лет. Что мне стоит умереть на самом деле? Меня никогда, на самом деле, и не было. Это не я. Это не я. Это не я.»

Повтор – удар, повтор – удар. С черного неба начало что-то накрапывать. Ко всем его несчастьям добавился леденящий северный ветер, который постепенно набирал силу. В

поясницу как будто вбили кол. То ли еще будет завтра. Если он, конечно, вообще когда-нибудь доберется до дома.

Мойра продолжала говорить и говорить. За долгие годы он научился мысленно отводить ее голос куда-то на периферию своего сознания (того потерянного, как щенок без хозяина, скулящего сознания, которое у него еще осталось), и, при этом, вылавливать ее вопросы и правильно их комментировать. Правда, особого умения для этого не требовалось – главное, вовремя соглашаться или мягко возражать. Если ничего не упустить, то можно избежать бури. Хотя, буря все равно была в программе как минимум, раз в день. Это уж, как пить дать. Ничто не повторялось с такой завидной регулярностью в их доме. Его слух чутко улавливал интонации, паузы, порывы ветра, предсказывавшие погоду в ее голосе и настроении. Он вообще уже давно стал специалистом – предсказателем настроения в одной отдельно взятой семье. Настроения чертовой стервы, которую он ненавидел всеми клеточками своего измученного тела, которое даже не кричало, а вопило и стонало, желая одного – покоя.

Но, до покоя еще далеко. Еще полметра пройдено. Он очень надеялся, что большая часть дела сделана. Черт бы тебя побрал, проклятая стерва.

– Ты что-то сказал, милый?

Последняя нота, в сочетании со словом «милый», не сулила ничего хорошего. Он привык ко всем насмешливым прозвищам в свой адрес, но только не к тем, которые используются в других, нормальных, семьях. «Милый» – это, как далекий раскат грома.

Неужели, она услышала его мысли, почувствовала ненависть, с которой он вонзал лопату в неподатливую холодную землю? Может, ощутила эти удары, эти толчки, которыми он вбивал в ее плоть свой гнев, остатки гордости и жалость к самому себе.

Он мог по пальцам пересчитать количество раз, когда она разрешала ему быть главным, хоть в чем-то, хоть когда-нибудь. И даже тогда он не мог расслабиться, позволить себе быть самим собой, потому что боялся – она поймет, она услышит. И тогда ему не поздоровится. Ох, как не поздоровится. И тогда она его ударит. И тогда уже не будет слов, издевок, прозвищ. Тогда она оторвется по полной. А когда она начинала, только ей было известно, когда она закончит. Бывало, он потом по полдня валялся в постели, прежде чем мог просто сесть и спустить ноги с кровати.

В душе поднялось ужасная мешанина из чувств, что-то темное, противное, его второе, жалкое «Я», многократно растоптанное, выросшее вкривь и вкось, как бледный немощный побег, которого и быть не должно было, а вот вырос. И никому не нужен. Кроме нее. Если только она захочет. У него не было названия всем чувствам, которые поднялись вместе с волной кислоты из желудка и теперь разжигали едкой слюной его горло. Но, вместе с тем, к ним примешивалось еще одно, давно забытое, но не менее приятное, постыдное, постоянно подавляемое.

Он взглянул на нее украдкой, исподлобья. Она сидела там, недалеко. Свет фонаря освещал ее всю, как алмаз на ви-

трине ювелира. Чистая и аккуратная, несмотря ни на что. Несмотря на то, что дождь шел уже в полную силу, а ветер норовил смешать его с грязью и выстудить из него самую жизнь. Вся грязь досталась только ему. Она была, как всегда, безупречна, как японский клинок. На ней было его любимое платье в цветочек. Из-под подола виднелась только щиколотка и лодыжка до половины.

Желание окатило его волной, невзирая ни на что, неожиданно и бесповоротно. Он хотел поцеловать ее в этот кусочек белого тела прямо здесь и сейчас, если она ему позволит. Все воспоминания вернулись, как будто только и ждали этой минуты. Ее запах, ее голос, ее вкус, ее сильные руки. Он бил лопатой в каменную землю, выскребая один кусочек за другим, высекая каждый год совместной жизни на черном полотне безмолвной пустоши. Он вонзал ее снова и снова, это было его время, когда она ему разрешала быть главным. Когда она ему разрешала думать, что он главный.

– Нет, дорогая. Я люблю тебя.

– Конечно, любишь. А как же. Еще бы не любил. А кому ты еще нужен, кроме меня? А? Думаешь, не вижу, как ты на меня смотришь, глазами стреляешь? Какой же ты жалкий, Марвин, какой предсказуемый. Жалкий, жалкий, жалкий. Ничего тебе сегодня не светит, не раскатывай губу. Неужели ты думаешь, я позволю такому замухрышке, как ты, прикоснуться к себе? Да ты меня всю запачкаешь. Жалкий грязнуля!

Судорожный тягучий всхлип свел его челюсти. Одновременно в ладонь глубоко, до крови, вошла длинная заноза.

Она вскрикнул, выронил из рук лопату и закрыл лицо руками, пытаясь взять себя в руки, закрыться от нее, спрятаться. Спрятаться, спрятаться, стать невидимым.

– Да ты, никак, плачешь, Марвин? И что ты мне прикажешь делать? Утешать тебя, или сопли подтирать? Быстро приведи себя в порядок. А то и смотреть на тебя не буду. Противно, честное слово.

Он зубами вытянул занозу и схватился снова за рукоятку лопаты, оставляя на ней мокрые красные отпечатки. На нем не осталось сухого места, как будто само небо рыдало над его усилиями. И, скорее всего, рыдало от смеха над жалким неумехой со старой лопатой в трясущихся руках, на пустыре, пытающегося отнять у земли то, что отдал ей на хранение десять лет назад.

Он копал и копал, вонзал стальное лезвие раз за разом в застывшую многолетнюю грязь, спрессовавшуюся от постоянных дождей и ветров, и превратившуюся в прочную глину под жарким сухим солнцем. И когда древко вдруг переломилось посередине, не выдержав этого яростного сражения, он продолжил свою работу, используя жалкий отгрызок, который ему остался, а потом и вовсе опустил ся на колени, разрывая, разгребая почву ногтями, стирая их до мяса, уходя с головой в могилу, которая и не ждала, что он к ней вернется, и которая, казалось, уже готова была поглотить его целиком. Он был готов остаться здесь навсегда, уйти вниз, глубоко, зарыться в эту жирную, тугую, почти резиновую землю в безнадежной попытке заглушить ее голос,